

строю древнерусских произведений только в пределах стиховедческих систем.

Из приведенного здесь краткого обзора работ очевидно, что отдельные соображения о древнерусской ритмической прозе, которые можно было почерпнуть из общих курсов и специальных исследований, не претендуют на обстоятельность, а иногда носят отпечаток литературоведческого импрессионизма.

Между тем поставить и изучить проблему ритмической прозы в древнерусской литературе важно и для углубленного понимания поэтики каждого отдельного произведения, а также для того, чтобы установить, насколько «загадочен» и «уникален» ритмический строй «Слова о полку Игореве». Быть может, «загадочность» и «уникальность» лежат в пределах той «глубоко своеобразной ритмической системы, которая принадлежит своему времени — XII веку»,²⁶ но которая еще не познана. Обратиться к истокам ритма в древнерусской прозе важно также и в интересах изучения художественной прозы нового времени — Гоголя, Достоевского, Бунина, Чехова, в которой использованы в разных целях древнейшие типы ритма.

На данном этапе работы предлагается привлечь наиболее значительные в художественном отношении произведения, которые обладают заметно выраженным ритмическим строем речи и потому представляют наибольший интерес для исследования, а именно торжественные слова — «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (которое, кстати, в специальной монографии Л. Мюллера,²⁷ посвященной «Слову», с этой точки зрения не рассматривалось) и «Похвальное слово Симеону и Савве» Доментиана, воспринявшего опыт риторства Илариона.

Что понимается под ритмической прозой и каковы принципы предлагаемого анализа?

Доминантные формальные признаки ритмической прозы могут быть выделены в сопоставлении и со стихотворной системой вообще, и с обычной «изначальной» прозой, прозой с «врожденным» ритмом.

Если ритм стиха создается, как известно, главным образом на трех уровнях: слоговом, образующем метрический ритм, стопном, образующем организацию стихотворной строки, и стиховом, образующем организацию строф, а ритм изначальной прозы не связан со специальным ритмическим заданием автора и определен либо особенностями, стихией самого языка, либо естественным эстетическим стремлением автора к гармонизации, плавности и пластичности языка, то доминантным признаком ритмической прозы является принцип синтаксической аналогии, который вызван к жизни специальным авторским заданием и выступает в тексте как эстетический элемент, как замысленная композиция текста.

И если для стиха существуют универсальные системы измерения — силлаботония, тоника, силлабика, то для ритмической прозы такой мерой является не стопа, не метр, а синтаксическое смысловое целое — единица, более объемная, имеющая множество разновидностей, вариантов синтаксических фигур. Имея в виду именно сложность законов гармонизации прозы, А. Белый сказал: «Проза — труднейшая форма поэзии».²⁸ И хотя понятие ритмической прозы известно с античной древности, оно до сих

²⁶ Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы, стр. 82—83.

²⁷ L. Müller. Des Metropoliten Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962.

²⁸ А. Белый. О художественной прозе, стр. 55.